

НАТУРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Одним из самых известных актеров советского театра и кино стал трижды лауреат Государственной премии, народный артист СССР Николай Мордвинов. Его кандидатура выдвинута на соискание Ленинской премии в области литературы и искусства за исполнение ролей Арбенина в «Маскараде» на сцене Академического театра имени Моссовета.

КРИТИКА и зрители считают, что Арбенин — одна из удачнейших Ваших ролей. В чем Вы сами видите причину своего успеха в «Маскараде»? — таким был первый вопрос к артисту.

— Прежде всего в том, что Арбенин — моя роль. Моя встреча с Арбениным не первая. Перед самой войной я сыграл Арбенина в кино. Не расстаюсь с Лермонтовым и на эстраде, читая его поэмы «Демон», «Мцыри», «Калашников». Были у меня роли, на которые я соглашался не с большой охотой, а потом увлекался ими. Бывало и наоборот. Но привязанность к Лермонтову исчисляется десятилетиями.

Лермонтов — первый поэт, который разбудил во мне чувство гражданственности, романтическую любовь к роди-

не, уважение к простому, широкому, доброму русскому человеку.

Меня увлекает могучий интеллект Арбенина, его способность целиком отдаться поглотившей его страсти, его неприятие «холодного и пустого света». В его душе зародилось большое и глубокое чувство — любовь к Нине, и он «воскрес для жизни и добра». Но «бездухный и пустой свет» задушил это чувство. Он заставил Арбенина усомниться в верности ему Нины, и Арбенин губит ее. Смерть Нины — это казнь обоим. Погубив Нину, он гибнет сам. «Его гордый ум изнемог». Арбенин — жесткий, острый характер. К нему опасно притронуться — порежет. Громадный талант, большие крылья, гордая перспектива, но силы растрочены по-

пусту, и он торжествует Пиррову победу.

Что волнует зрителя в нашем «Маскараде»? Я думаю — своими средствами выраженной гражданственностью.

— Что Вы считаете первоосновой в актерской игре? — Мы, актеры, не любим «тревожить себя на сцене», особенно если рисунок роли способен говорить сам за себя. И все-таки я против холодно мемориального исполнения.

Актерская сила именно в том, чтобы беспокойство наше стало привычным, чтобы обыденность не подменяла патику, говоря образно, чтобы стремительная пантера не превратилась в сонную домашнюю кошку. Не понимаю я актеров, у которых рассказ о потрясениях становится бытовым или натуралистическим. Для меня это — хуже формализма, тогда целый ряд положений перерастает в па-

тологию. От этого произведение не становится современным, как не становится современным спектакль, если герои одеты в сегодняшние костюмы, а постановка лишена примет времени и места действия.

— А что Вас привлекает в современных ролях? Какие задачи Вы ставили, работая над ролью Забродина в пьесе Исидора Штока «Ленинградский проспект»? —

— По мне все роли трудны — они говорят о человеке. А жить на сцене в больших мыслях и чувствах героев — такой же смысл и наслаждение, как жить в обществе умных и честных людей.

Рабочий Забродин — прост, обыкновенен даже. Но зато в труде, а труд для него — нравственный смысл жизни, Забродин сверкает ровным устойчивым блеском дорогого металла.

Я встречался с такими людьми. Забродин честно, умно, чисто прожил сложную жизнь, и перед судом своей совести ему не придется терзаться по ночам. Хотелось мне в простом, неброском человеке раскрыть все богатство натуры русского человека с его малыми и милыми домашними заботами и его большой общегосударственной ответственностью перед жизнью.

— И, в заключение, более общий вопрос. В чем смысл всей Вашей работы?

— Я хочу искусства не только направленного, но и горячего, сердечного, — отвечает Николай Мордвинов. — Пусть переживет актер все муки, которые сулит ему та или другая роль, пусть падает на себе лоб на ее тернистом пути и расскажет потом своему зрителю о самом главном, самом нужном, дорогом, чтобы пережитое им сохранилось бы в душе зрителя и заставило его думать. Чтобы не обрывал он у жизни мечты, как иногда ребенок обрывает крылья у бабочки, сохранял бы ее и развивал на пути к прекрасному, к которому движется общество.

Учено-исследоват. 1965 20 ф. 46. р.